

Ду Мин Гю сидел один в своей палатке, попивая чай и размышляя о событиях дня, глядя на оружие Кая, это все, что осталось от его ученика. Отчеты лежали аккуратной стопкой в углу стола, каждая страница была прочитана несколько раз, он лихорадочно искал несоответствия, а когда не мог их найти, прибегал к издевательствам над солдатами, допрашивая их о местонахождении и последовательности событий, которые привели к смерти Кая.

История, которую он собрал по кусочкам, лишь немного отличалась от сообщений, Кай держал холм как наковальню против Оскверненных, в то время как Аканай ехала через реку как молот, тщательно направляя кавалерийские силы, которые превосходили их численностью с минимальными потерями. Хитроумное использование странных существ, на которых ездили эти варвары, хорошая хитрость, которая хорошо сработала, но в конце концов, битва стоила Мин Гю его первым учеником, и это было неприемлемо для него.

Смерть не должна была стать для него большой неожиданностью. В течение нескольких недель он следовал по своему Нефритовому компасу, настроенному на кровь Кая, который все время указывал в на его местоположение, с тех пор как он был сотворен - десятилетия назад, у него был ежегодный ритуал - встреча с Каем и его семьей, чтобы обновить компас. Компас перестал работать несколько дней назад, и он приготовился к худшему, но, услышав это, сказанное таким бессердечным образом, он разозлился, он не думал, что это возможно. Старый, уставший от мира человек, который за всю жизнь почувствовал столько много сильных эмоций, был удивлен, и он обнаружил, что поглощен своими чувствами.

Несмотря на все недостатки Кая, он был предан своей семье, и Мин Гю был ее частью с тех пор, как он принял маленького Кая в качестве своего первого ученика. Он улыбнулся, вспоминая о мальчике, который целыми днями стоял на коленях у его порога, умоляя, чтобы его учил хваленый герой империи. Увидев только избалованного роскошью ребенка, он отправил Кая и игнорировал его в течение нескольких дней, но Кай не сдавался, стоял на коленях в грязи и в дождь, непоколебимо и неуклонно почти неделю, прежде чем Мин Гю, наконец, смягчился, предложив мальчику испытания.

Испытания были суровыми и изнурительными до крайности, мера, чтобы отговорить Кая, отправить его обратно к соскам матери, и избавить Мин Гю от хлопот с учеником. Он был одиноким человеком и предпочитал уединенную жизнь, постоянно тренируясь, чтобы совершенствоваться и достигать вершин силы, не имея ни времени, ни желания иметь дело с другими, ни с семьей, ни с кем-либо еще. Испытания продолжались неделями, Кай падал снова и снова, его одежда порвалась, его тело было изранено, его гордость растоптана, и все же он возвращался каждое утро, неся домашнюю еду для своего учителя, всегда счастливый начать трудное испытание.

Где-то в разгар всех испытаний он полюбил мальчика, осознав это только после того, как Кай впервые преуспел, простояв в позе лошади три часа, таская ведра с песком в знойную жару. Ликование на лице мальчика отразилось в его сердце, и, не понимая почему, он немедленно сказал мальчику преклонить колени и поклониться, официально назвав Кая его первым учеником.

Кай вырос послушным и влиятельным молодым человеком под его опекой и отплатил ему тем, что относился к нему как к уважаемому члену семьи. Он преисполнился гордости за продвижение Кая по службе, сидел на почетном месте во время его свадьбы и был первым, кто провел своего сына на церемонии целый месяц. Теперь этот гордый, упрямый мальчик погиб человеком, солдатом, убитым в бою, от которого не осталось даже трупа, а Мин Гю потерял

самого близкого, который у него когда-либо был, почти сын.

Без маленького Джин Тока некому было совершать погребальные обряды в месте последнего упокоения его ученика, преклонять колени в течение семи дней, постоянно зажигая благовония и молясь раз в семь дней. Отправлять рабов сделать это, было бы правильно и так как он был его наставником, его руки были связаны в этом вопросе. Как мог наставник преклонить колени перед учеником или публично оплакивать его кончину?

В приступе ярости он разбил чайник, швырнув его на землю, а вскоре и чашку. Тяжело дыша, он сел в кресло и сдержал слезы, когда Кьюн вошел в палатку, чтобы убедиться, что угрозы нет, после он быстро поспешил, чтобы собрать осколки фарфора и чайные листья, протирая все небольшой тряпкой, все происходило в полной тишине. После того, как беспорядок был убран, Кьюнг подал сигнал, что все готово и быстро вышел, и тогда Мин Гю позволил своим слезам свободно течь, свое личное проявление слабости все, что он мог дать своему ученику.

Будет расплата за его смерть, Мин Гю позаботится об этом. Собравшись с силами, он вышел из палатки, направив свое внимание на помощника, который был ему предоставлен. Вместо того чтобы опуститься и заговорить с ней, он заговорил с Кюном.

— Пусть маленький помощник проведет нас туда, где погиб мой ученик. — Его почитаемый статус был встречен простым старшим капитаном, которая затем отмахнулась от него, предложив полузверя ребенка ему, все наотмашь, пренебрежительно к его чести, но он сохранял самообладание. Если кровь должна пролиться, он не пощадит ни одного человека здесь, но для этого ему понадобится оправданная и достойная причина.

Девушка покорно повела его через лагерь и через холм, не говоря ни слова, за ней по пятам следовала рабыня. Он осмотрел лагерь, когда они легко прогуливались, его бедро пульсировало от боли после дня отдыха. Странно, как тело могло двигаться дальше, когда в этом была нужда, но теперь, когда он отдохнул, было еще труднее продолжать, возраст сделало его тело слабым и хрупким.

Хотя в лагере были некоторые недостатки, которые можно было легко исправить, в целом он был весьма удивлен тем, насколько оправданным было расположение. Высокий холм с видом на травянистое поле, вода по двум сторонам и горы с третьей стороны оставили только один проход для большинства армий. Палатки были аккуратно сгруппированы в центре лагеря, окруженные кострами и оборонительными сооружениями, заборами, канавами и насыпями, расположенными так, чтобы скрыть свет от костров. На открытых участках к северу и югу жили их мохнатые звери, самодовольные животные, которые ухаживали друг за другом группами, издавая писк удовлетворенности, когда они загорали на траве. Удивительно стабильные существа, на которых можно ездить, лошади не могли сравниться в езде с ними, поэтому он решил, что раздобудет несколько для возвращения домой.

Настроение в лагере было спокойным, наемники и солдаты работали вместе без особых помех, сохраняя лагерь в безопасности и порядке. Праздные солдаты играли группами и катались на мопедах поодиночке, как им вздумалось, многие уходили с дороги или останавливались, чтобы отдать честь, но наемники-Варвары даже не моргнули глазом, проходя мимо, даже не отошли в сторону, призывая, чтобы его охранники силой расчистили путь сквозь толпу.

После особенно жаркой стычки, в которой его охранники едва не подрались с наемниками, ситуация разрядилась одним словом их маленького проводника, Кьюн приблизился к его локтю, проецируя свой глубокий, хриплый голос, чтобы все услышали.

— Господин, эти дикари не уважают вас своими действиями. Позвольте этому смиренному рабу убить нескольких и научить их, как правильно приветствовать человека вашего почитаемого статуса. — Свирепо глядя на наемников, Кьюн снова зарычал, не в силах сдержать своего внутреннего зверя. Жажда крови его раба почти вызвала улыбку на его лице, когда он потешался мыслью о том, чтобы позволить своим охранникам выразить свое разочарование. Они провели недели на пыльных дорогах, путешествуя со всей поспешностью, следуя по его компасу через густые леса и холмы, они бросили своих лошадей несколько дней назад, звери больше не могли продолжать путь по местности. Среди жуков и диких зверей, а также постоянной угрозой засады, никто из них не был в настроении, чтобы быть ущемленным.

К сожалению, в то же время, хоть эти наемники и были варварами, они служили императору, который, по крайней мере, даровал им жизнь. Слабость не могла быть проявлена, но наемники отступили при словах ребенка, который, вероятно, уничтожил бы любого воина. Не обращая внимания на слова Кьюна, он продолжал следовать за ребенком, обращая внимание на количество полуживотных воинов в лагере.

Слишком много, особенно для силы такого размера, и единственный раб, идущий за его маленьким помощником. Не обращая внимания на солдат, соотношение людей и полукровок было почти 1 к 1, если не в пользу полукровок. Хоть у них и было свое место в Империи, столько свободных полукровок, которые были объединены и вооружены, все равно беспокоили. Он снова заговорил с Кьюном, чтобы тот передал его вопросы девушке, и выслушал восторженные ответы, его маленький помощник был более чем рад похвастаться. То, что эти дикари называли себя "Хишигами", а не гражданами империи, вызывало тревогу, особенно учитывая тот факт, что они родом из гор Скорби Святого, территории могущественного и таинственного предкового зверя. Неужели это верховное существо копило других животных предков, строило армию, посылало своих детей закаляться в битвах? Хотя, возможно, некоторые скажут, что это был большой скачок их логики, он со своими 107 годами жизни сделал заметку, чтобы отправить кого-то исследовать их историю.

Имперские оборонительные силы были предметом некоторых дебатов в данный момент, многие сторонники в центральных и восточных провинциях настаивали на том, что платежи, сделанные Империей, только помогали будущим повстанцам, вооружая их монетой империи. Многие утверждали, что любой верный гражданин, желающий защищать провинции, не будет возражать против вступления в Имперскую армию или принесения присяги, но Мин Гю считал это слишком экстремальным. Во-первых, расходы на обучение и снабжение постоянной армии, способной защитить провинцию, скорее всего, разорят Императора. Наемники в основном привозили свои доспехи, оружие, лошадей и припасы, но им за это нужно было платить только за время службы, в то время как солдатам платили независимо от обстоятельств, и силы ополчения ничем не отличалась от нынешней системы. Обязательная клятва подчинения Империи была ситуацией, подверженной эксплуатации, и в течение нескольких лет Империя будет захвачена.

Он уважал наемников Имперской оборонительной силы, но повысить неизвестного солдата до звания генерал-лейтенанта, основываясь только на результатах одного сражения, было слишком поспешным решением, Северный Маршал слишком торопился со своими наградами. Женщина была слишком горда, отказываясь приветствовать его, хотя он технически превосходил ее и мог вырвать у нее команду. Конечно, это было бы слишком хлопотно, если пришлось бы ответить маршалу и заполнить необходимые бумаги, не стоит этих усилий, но все же женщина должна проявлять уважение тем, кто превосходит ее.

— Мы на месте, генерал-лейтенант. Здесь погиб генерал. — Демонстративно игнорируя девушку, он оставил ее с Кьюном и шагнул вперед, осматривая достопримечательности. Там не

было ничего, кроме остатков травы и взбитой грязи, площадь такая же, как и любая другая, но значение этого крошечного участка земли заставляло его чувствовать себя маленьким и беспомощным. Это было место смерти Кая.

Не будет ни молитвенного пения от монахов, ни шествия родственников и друзей, ни плачущих детей, ни оплакивающих жен. Только старик, слишком гордый, чтобы плакать на людях, слишком упрямый, чтобы скорбеть и казаться слабым, стоял без каких-либо внешних эмоций на месте смерти своего ученика. Махнув рукой своим рабам, они быстро принесли курильницу и подношения, Кьюн вручил ему три уже зажженные палочки Джосса, ароматный, сладкий, древесный запах наполнил его ноздри. Стоя там, Мин Гю держал три палки, красиво веером перед собой, чувствуя, как будто это был пустой, бесполезный жест. Кай был мертв, какая разница, оставил ли он фрукты или сжег ладан?

Его горе росло внутри него, он стоял, глядя на пышный лесной пейзаж, его разум был пуст, а палочки Джосс сгорали дотла, прошло более тридцати минут, но он все еще стоял, не в силах смириться со смертью Кая. Предполагалось, что это будет радостное путешествие для Кая и его сына, он будет смотреть, как маленький Джин Токк соревнуется в Обществе, обряд посвящения для многих будущих героев империи. Вместо этого Кай умер здесь, вдали от дома и своих близких, даже без солдат, назначенных ему Мин Гю. Это была пародия, и даже если он не мог найти никакой вины в сообщениях, это не освобождало генерала Варваров от вины.

Бросив сгоревшие палочки, он жестом попросил Кьюна дать ему новые, быстро зажег их и положил прямо в землю курильницы, прежде чем он наконец отказался от чувства приличия и резко заговорил с Хишигской девушкой.

— Позовите сюда генерал-лейтенанта Аканай. Я хотел бы поговорить с ней.

Застигнутая врасплох, девушка оторвалась от своих детских игр, тайно играя в прятки и расправляясь со своей рабыней на небольшом расстоянии. Такое неуважение к мертвым.

— Ах, это невозможно. Генерал-лейтенант на патрулировании и не вернется до обеда.

Не имея выхода для своего гнева, его мысли стали убийственными, он кипел изнутри. Если это был уровень организации и ответственности, необходимый для получения такого звания, то Северная провинция была обречена. Что случится с солдатами, если она погибнет в бою? Они будут здесь до самой смерти? За каждого солдата под ее командованием отвечал генерал, на которого опирался боевой дух ее солдат. Рисковать жизнью в патруле, оставив командовать только старшего капитана, было просто жестоким и небрежным поведением.

Проглотив свой гнев, но слишком злой, чтобы осмелиться заговорить, он внутренне послал сообщение Кьюну, который передал свои слова с насмешкой.

— Маленькая девочка, когда вернется твой командир, ты увидишь, что она отчитается перед моим господину, иначе я покажу ей, как мало значит для меня ее звание. — Он продолжал пытаться запугать маленькую помощницу, но к ее чести, она, казалось, не боялась и не была напугана, просто вернулась к своим играм, пожав плечами.

Выкинув все из головы, Мин Гю вернулся к просмотру курильницы, палочки Джосса медленно догорали, он заменил, когда они были немногим больше, чем дымящиеся окурки, это все, что он мог сделать для своего мертвого ученика. Именно через обучение Кая он познал радость руководства молодым разумом, но глупый мальчик всегда уделял слишком много внимания личной силе, никогда не полагаясь на своих солдат. Мин Гю снова и снова читал мальчику лекции, один человек не может сдержать тысячу, каким бы сильным он ни был. Для того,

чтобы защитить граждан Империи, потребуются солдаты, а также специалисты, сильные и слабые, работающие вместе, только силой единства Империя смогла сдержать Оскверненных. Когда внешняя провинция рухнула, центральная провинция пришла на помощь, не ожидая никакой оплаты. Только так империя могла противостоять всем своим врагам, а мятежники и диссиденты представляли величайшую угрозу выживанию империи.

А теперь еще один солдат пал, защищая Империю, стал слабее из-за потери. Блестящий воин, даже не 45-летний, а уже генерал, Кай когда-то имел многообещающие перспективы в будущем, но все это внезапно закончилось здесь, в северных дебрях. Время шло, и он менял палочки Джосса каждые полчаса, маслянистый дым цеплялся за его одежды, несмотря на широкое открытое пространство. Через несколько часов его маленький помощник начал накрывать шахматный стол, нервничая из-за маленькой дворняги, Кьюн предупредил их возвращаться только с Аканай.

В какой-то момент Кьюн принес ему обед, и Мин Гю съел все на автомате, едва попробовав пищу. Его руки были покрыты пеплом, курильница была почти полна, а он продолжал жечь палочки. В тот момент, когда они закончились, он сказав несколько слов приказал принести еще, и солдаты сражались, чтобы принести ему свечи, чтобы поджечь, рядовые собирались, чтобы отдать дань уважения, как требовалось. Они болтали о подвигах Кая, но их было мало и они часто повторялись, и даже ворчали, что он не смог защитить своих солдат. Он обратил внимание на ворчавших солдат, но в остальном оставил их в покое. Жаловаться было солдатским уделом и Материнским правом, и если бы не его острый слух, их слова остались бы незамеченными.

Только когда уже была середина обеда, Аканай прибыла с маленьким помощником, вместе с несколькими людьми - полностью вооруженные наемники, все они шагали без единого слова. Кьюн и его стража двинулись, чтобы перехватить ее, пока он не поел, и, не прерывая шага, она в одиночку отмахнулась от них, легко победив его рабов одного за другим, как будто они были детьми, она избегала наносить серьезные травмы, оставляя некоторых из них стонать, когда они лежали на земле. С этим впечатляющим проявлением силы большая часть его гнева растаяла, его решимость добиться справедливости не могла оставаться горячей перед лицом удушающих доказательств. Если бы она хотела смерти Кая, то легально убила бы его в единоборстве. Не было бы никакой необходимости разрабатывать и усложнять планы, чтобы убить его при исполнении служебных обязанностей, и она не беспокоилась о том, чтобы оскорбить других, как она это метко продемонстрировала. Кай встретил свою судьбу, умирая солдатом, слишком молодым, слишком рано для Мин Гю.

Маленький помощник быстро достал стул для Аканай и был отпущен с взмахом, отойдя назад, чтобы наблюдать за происходящим вместе с другими наемниками. Он продолжал есть лапшу, изучая противника, оценивая этого варварского генерала. Одета в мягкие, черные кожаные доспехи с подкладкой из черного меха, ее одежда казалась второй кожей, ее леггинсы почти неприличны. С сильными чертами лица и строгой осанкой, она сидела, выпрямив спину, все еще создавая иллюзию легкости, ее пальцы сцепились на столе, глядя прямо в его глаза. Ее отношение требовало повиновения, ее взгляд был острым и конфронтационным, она была красивым и колючим цветком, цветущим от гордости и гнева.

Глубоко вздохнув, Мин Гю подал Матери небольшую жалобу на несправедливость, которую она причинила своим рожденным детям. Эта женщина была старше его, но казалась достаточно молодой, чтобы быть его правнучкой. Он завидовал долгой жизни полуживых, ему становилось все более горько, по мере того, как возраст продолжал отнимать у него силы, но что хорошего в долгой жизни без семьи? Урок был усвоен слишком поздно, и теперь у него не осталось ничего, кроме бесполезного оружия, яркого напоминания о мальчике, которого он вырастил, и

о человеке, которым он стал.

Отбросив ворчание, он продолжил спокойно есть, пока продолжалось молчание, он наслаждался неслышной борьбой за власть между ними, достойный противник. Ее поведение говорило о многом, о том, что она пришла к нему не потому, что он этого требовал, а потому, что она этого хотела, и ждала, когда он ее примет и поприветствует. Тем не менее, приветствовать ее первым означало, что он занял более слабую позицию, но он мог сказать, что она была достаточно упряма, чтобы сидеть здесь всю ночь.

К несчастью для нее, он тоже был на это способен, и он гораздо больше практиковался в завуалированных оскорблениях и молчаливой борьбе. Жестом указывая на одного из своих все еще сознательных рабов, он подал знак принести больше еды, чтобы накормить и себя, и генерала, а также маленького помощника и ее раба, что изменило ситуацию. Он больше не был гостем в ее лагере, а она была гостем за его столом. Она сделала шаг, любезно принимая изменение позиций или просто принимая пищу, он не мог сказать. Достойный противник.

Его обед закончился, и его бедро болело от боли, он попросил одного из своих рабов принести ему трубку, упаковать ее полностью и неторопливо пытаясь, наслаждаясь сладким мускусным дымом, позволяя лекарству делать свою работу и облегчать его боль, он вспоминал о лучших временах, проведенных с лучшей компанией. Маленький помощник снова начал играть в шахматы, и резкий взгляд его заставил ее поворчать, но второй взгляд Аканай заставил ее смущенно убрать настольную игру, она прошептала соболезнования своему рабу. Глупое дитя, играющее в дружбу со своим рабом. Работой рабыни было служить, а не относиться к ней как к другу, что вызывало бы негодование и несчастье, когда ей приказывали выполнять неприятные задания. Лучше иметь четкие разграничения в лечении и позволить рабыне знать свое место.

Его настроение улучшилось, когда он продолжил курить под небесным пологом звезд, глядя на звезды ночного неба, задаваясь вопросом, смотрел Ли Кай на него в этот самый момент. Рассказ, который он слышал в юности, некоторые утверждали, что звезды были окнами в бухту Матери, где она останавливалась и наблюдала за своими детьми и творениями, мерцающие звезды указывали на то, что она смотрела на них через окна. Это было детское воображение, но такое же хорошее объяснение, как и любое другое. Возможно, это были гигантские, вечно горящие огни, чтобы осветить ночное небо, еще более причудливая идея, заставившая его хихикать про себя.

Его внимание вернулось к маленькой помощнице, молча стоявшей позади Аканай с надутым лицом, ее рабыня прижимала шахматы к груди, ее кошачьи ушки прижимались к голове. Ему нравились выразительные уши и хвосты полукровок, они забавляли его, он видел, как открыто проявляются их эмоции. Наклонив голову, он изучал ее странно знакомое лицо, не в состоянии понять, где он видел ее раньше. С трубкой во рту, он продолжал спокойно курить, его разум был сосредоточен на том, чтобы понять кто эта девушка.

На полу, куда его перенесли охранники, Кьун тихо застонал, когда пришел в сознание, и, держа руками за голову, попытался встать. Быстро взглянув на своего ценного раба, чтобы удостовериться в его состоянии, его память встряхнулась, узнав раба маленького помощника. Тяжело хлопнув по столу, он взревел от восторга.

— Конечно, конечно, ты из того же рода, что и Кьун! Я купил и обучил тебя для Джин Тока, ты должна была защищать его во время конкурса, талантливый маленький раб. Что ты здесь делаешь? — На его лице появилась глупая усмешка, он обрадовался, что вспомнил, кто она такая, но быстро вернулся к стоическому, суровому взгляду, гнев быстро поднялся в его груди.

Эти проклятые Варвары позволили Каю умереть одному, а потом разграбили его ценности? Они украли его рабыню и выставили ее напоказ! Ударив по столу еще раз, он сломал крошечный предмет мебели для путешествий и взревел, на этот раз в гневе.

— Вы немедленно вернете мне собственность Кая, или я увижу вас всех мертвыми!

Призывая Божественный ветер, воздух вокруг него начал двигаться, медленно, тяжело, постепенно наращивая скорость, пока он готовился наброситься и убить. У этих дикарей не было никакого уважения к мертвым, и он свалит их трупы за смертную казнь Кая так высоко, как они складывали, дань в честь его памяти.

Стоя гордо, он наблюдал, как Аканай сузила глаза, все еще сидя и спокойно.

— Я отказываюсь. Ли Сон - Хишиг и -...

— Вы умрете. — Мир пришел в движение, когда все отреагировали на его слова, и спокойное бдение быстро переросло в хаос и насилие.

Отлично. Ему нужно было разобраться с ними и вылить свой гнев.

<http://tl.rulate.ru/book/591/83964>